

References:

- 1 Allen W. *The short story in English*. – Oxford press, 1981. – 100 p.
- 2 Levidova I. *Anglikaia istoria v 70 – e gody // Problemy literatury, [English story in 70 years // Problems of Literature] 1984 – №4.-S. 43-73.*
- 3 *Teoria literatury. T. 4. Literaturnyi proses. [Theory of Literature. T. 4. Literary process.] – M.: Institut mirovoi literatury RAN, Nasledie, 2001. – 624 s.*
- 4 Bälburov E. *Süjet, süjet, povestvovatelnoe iskustvo kak otrajenie sobyti / E. A. Bälburov. Kritika i semiotika [The plot, plot, narrative art as a reflection of events / E.A. Balburov. Criticism and Semiotics] – 2002. 5 – s. 7 – 180 s.*
- 5 Ansiferova O. *Romany i rasskazy Genri Jeimsa. Ot istokov k dostizheniam / O. Ansiferova. – Ivanovo, [Novels and short stories by Henry James. From the beginnings to the achievements / O. Antsiferova. – Ivanovo]1998. – 210 s.*
- 6 Ponomareva E. *Ruskie rasskazy 1920-h godov (Osnovnye tendensii razvitiia): Diss. ... Doktor filol. Nauki. [Russian short stories of the 1920s (The main development trends): Diss. Doctor filol. Sciences.] – Ekaterinburg, 2006. – 648 s.*
- 7 Helm S. *Story // Literary Encyclopedia of terms and concepts: M: Intelvak, 2001. – p. 156-157.*
- 8 Mihailov A. *Poves // Teoria literatury. Obşee i janrovoe (osnovnye problemy v istoricheskom osveşenii). [Novella // Literature Theory. General and genres (the main problems in the historical coverage).] – M.: Institut mirovoi literatury RAN, 2003. – s. 245-249.*
- 9 Bennet E. *History of the German novelette. – Cambridge, 1961. – 315 p.*
- 10 Eremkina *The development of the genre of the story in English literature Victorian period: Diss. Cand. filol. Sciences. – Samara, 2008. – 192 p.*
- 11 Bates H. *The modern Short Story. – Boston, The writer, 1972. – 303 p.*
- 12 Pianoff D. *The peculiarity of the historical perspective in the work of Mark Twain: Diss. Cand. filol. Sciences. – M., 2003.*
- 13 *American Short Stories // Ed. By Current-Gracia E. and Hitchcock B. USA, 1990. – 790 p.*
- 14 Sablikova N. *Kompozisionnaia obraznost i povestvovanie kak selostnyi tip teksta (na materiale sovremennoi amerikanskoi prozy): Diss. ... Kand.ist. nauk. filol. Nauki. [The composite imagery and narrative as a holistic type of text (on a material of modern American prose): Diss. Cand. filol. Sciences.] – M., 2007. – 203 s.*
- 15 Baldisyn S. *Tvorchestvo M. Tvena i nasonälnyi harakter amerikanskoi literatury: Disertasia na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk. Nauka. [Creativity of M. Twain and national character of American literature: Thesis of the Doctor filol. Science.] – M., 2004, s. 197.*
- 16 Buru A. *English story at the end of XIX-beginning of XX century: the problem of typology and poetics. – Irkutsk: Publishing House of Irkutsk University, 1991. – 335 p.*
- 17 Beachraft T. *The English Short Story. – London, 1964. – 263 p.*

МРНТИ 17.07.61

<https://doi.org/10.51889/2020-2.1728-7804.79>

Ананьева С.,¹ Арукенова О.²

¹Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова,
Алматы, Казахстан

²Казахский национальный университет имени Аль-Фараби,
Алматы, Казахстан

НОМАДИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПОВЕСТИ «БЕЛАЯ АРУАНА» С. САНБАЕВА

Аннотация

Мифы, сказки и легенды отсылают читателей прозы С. Санбаева в древние времена жизни Великой Степи, несмотря на то, что действие в художественных произведениях происходит в XX веке. Повесть Сатимжана Санбаева «Белая Аруана», ставшая визитной карточкой казахского прозаика, посвящена актуальной теме «человек и природа». Ведущими в исследуемой повести

являются мотивы свободы, тоски по утраченному великому прошлому, неистребимый зов Родины. Формирование национального самосознания казахского народа происходит с опорой на историю, запечатленную в устном народном творчестве. Проблема «человек и природа» решается автором в плане возросшей ответственности жителей планеты Земля за окружающий мир. Повествователь усиливает мифологизм, психологический подтекст и трагедийность на фоне обычной бытовой фабулы. Неудачи Мырзагали, главного героя повести, воспринимаются как следствие постепенного упадка древней и великой культуры номадизма, космоса тенгрианства. Картина жизни степняков изображена через судьбу одной семьи. И это становится своеобразием стиля казахского прозаика. Одиночество индивида в кочевой культуре детерминировано природой, условиями жизни, бесконечностью и бескрайностью степного простора, в котором проблема «человек и пространство» актуальна и в XXI веке.

Ключевые слова: символ, кочевник, художественное пространство, мифопоэтика, нравственный выбор, новеллистика, билингвизм, автор

Ананьева С.,¹ Арукенова О.²

¹*М.О. Әуезов ат. Әдебиет және өнер институты,*

²*Әл-Фараби ат. Қазақ ұлттық университеті,
Алматы, Қазақстан*

С.САНБАЕВТЫҢ «АҚ АРУАНА» ПОВЕСІНДЕГІ КӨШПЕЛІ ҒАЛАМ БЕЙНЕСІ

Аңдатпа

С.Санбаев прозасының аңыздары, ертегілер мен жырлары оқырмандарың аллюзия ретінде ежелгі ұлы дала дәуіріне меңзейді. «Ақ аруана» повесі жазушысының айрықша белгісіне айналды, ол «адам мен табиғат» тақырыбына арналған. Шығарманың негізгі мотивтері - бостандық, өткен шақты аңсау, отаңға ұмтылу. Қазақ халқының ұлттық болмысы көбінесе фольклорға негізделіп қалыптасады. «Адам мен табиғат» проблемасын жазушы жер жүзі тұрғындарының әлем және қоршаулы орта алдындағы жауапкершілігін арттыру тұрғысынан шешеді. Автор трагедияны қарапайым үй шаруашылығының аясында мифологизм, психологиялық астары арқылы күшейтеді. Сюжеттің бас кейіпкері Мырзағалидың сәтсіздіктері ежелгі және ұлы көшпенділер мәдениетінің, тәңіршіліктің біртіндеп құлдырауының салдары ретінде қабылданады. Жазушы даланың өмірі бір отбасының тағдыры арқылы бейнелейді. Осы көркемдік тәсіл жазушысының ерекшелігіне айналады. Көшпелілер мәдениетіндегі жеке адамның жалғыздығына, қоршаған орта, табиғат, өмір сүру жағдайы мен дала шексіздігі себебші болып табылады, бұл «адам мен ғарыш» проблемасы XXI ғасырда да өзекті.

Түйін сөздер: нышан, көшпенді, көркем кеңістік, мифопоэтика, өнегелілік таңдау, новеллистика, көстілдік, автор

Ananyeva S.,¹ Arukеноva O.²

¹*Auezov Institute of Literature and Art,
Almaty, Kazakhstan*

²*Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan*

NOMADIC PICTURE OF THE WORLD IN THE NOVEL OF S.SANBAEV “WHITE ARUANA”

Abstract

Myths, tales and legends have been referencing readers of S. Sanjeev's prose to the ancient times of the Great Steppe, despite the fact that the action of fiction take place in the twentieth century. The story of Satimzhan Sanbaev «White Aruana», which has become the hallmark of the Kazakh writer's prose, is devoted to the urgent topic «man and nature». The motives of freedom, longing for the lost great past, the indestructible call of the Motherland are central to the story. Formation of the national identity of the Kazakh people is mainly based on works imprinted in oral folklore. The problem of “man and nature” is solved by the author in terms of the increased responsibility of the inhabitants of the planet Earth for the world. The

narrator reinforces mythology, psychological overtones, and tragedy against the background of an ordinary household plot. The life of the inhabitant of steppe has depicted in the fate of one family. This skill has become a peculiarity of the style of the Kazakh prose writer. The failures of the protagonist Myrzagali are perceived as a consequence of the gradual decline of the ancient and great culture of nomadism, the cosmos of Tenriism. The loneliness of the individual in nomadic culture is determined by nature, living conditions, infinity and boundless vastness of the steppe, in which the problem of «man and space» is relevant in the twenty-first century.

Keywords: symbol, nomad, art space, mythopoetic, moral choice, novelistic, bilingualism, author

Введение. Казахская литература в своем развитии опирается на национальные традиции, мифологию, мифопоэтику, этику и эстетику кочевья.

Идея пути, “одухотворившая художественное творчество кочевников, не может оказаться архаичной в век, когда так остро и многогранно стоит проблема выбора и перемен, новых бросков в пространство”, – уверен М.М. Ауэзов [1, с. 209]. Контрапункт дороги – неотъемлемая часть художественного мира мастеров слова, в произведениях которых попытки осмысления новой действительности коррелируют с переломными моментами истории. Создавая повести и романы на русском языке, Р. Сейсенбаев, С. Санбаев, Б. Момышулы, Б. Каирбеков, А. Ахетов, Б. Канапьянов, А. Жаксылыков, Д. Амантай стремятся раскрыть художественный мир и языковую картину мира через необычные для русской культуры архетипы и символы тенгрианского мира. В этом – своеобразие их творчества, его отличительная черта.

Мы разделяем точку зрения на творчество писателей-билингвов литературного критика В. Бадикова, считавшего, что “русскоязычные писатели – это не школа, а широкое литературное течение, которое возникло на границе и стыке двух культур и литератур. Это характерный факт жизнеспособности духовного евразийства Центральной Азии и России” [2, с. 280]. С. Санбаев учился в русской школе, воспитывался в семье педагога. И первая его повесть “Белая аруана”, которую мы исследуем как дебютный текст, создана на русском языке. Определенный литературоведческий интерес представляет манера его письма, речь автора-повествователя и персонажей. Автор “мыслит по-русски, в то же время в образе его мышления присутствует нечто сугубо казахское. Такое явление, – приходит к выводу Т. Алимкулов, – присуще многим национальным писателям” [3, с. 8].

Методика. Системный метод как междисциплинарное направление исследований, метод анализа художественного текста повести “Белая аруана” С. Санбаева избраны ведущими в данной статье. Сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить, как в дальнейшем творчестве казахского писателя развивались и получали художественное воплощение концепты памяти и Родины, становится также одним из основных методов в проведенном исследовании. Концепция типологической преемственности позволяет прийти к новым результатам и выводам, поскольку каждое произведение искусства остается открытым для предположительно бесконечного ряда возможных прочтений (У. Эко).

Результаты. Казахские русскоязычные писатели рубежа XX-XXI столетий, сохраняя колорит и своеобразие степного менталитета, кодировали драматические для народа темы в этнических символах и мифологических сюжетах своих художественных произведений, выстраивали своеобразные пространственно-временные координаты. Двадцатый век А. Жаксылыков характеризует как “век столкновений идеологий, глубоких разломов и движения мифологических матриц” [4, с. 225]. Этнический код сохранился в казахской литературе благодаря богатому устному народному творчеству, казахскому фольклору и мифологии, что находит отражение в художественной ткани произведений.

Любовь к родной земле, ее славному и трагическому, порой, прошлому, – лейтмотив всех художественных произведений С. Санбаева. Одна из повестей С. Санбаева увидела свет с символическим названием “Когда жаждут мифа”. Ее главный герой – старый табунщик Елен по пути к подножью Каратау оглядывает свой путь, вспоминая прошлое народа. Рассказывая биографию своих героев, писатель преломляет сквозь призму их сознания историю страны.

Повесть С. Санбаева “Белая аруана”, которая вошла в антологию ста лучших рассказов мировой литературы о жизни животных, изданную в Лондоне, переведена на многие языки народов мира. В повести белая верблюдица постоянно ищет путь домой. Мощно звучит в архитектонике произведения зов родины, мотив притяжения родной земли. Для казахских писателей взаимоотношения человека и животного – особый аспект национальной культуры, “древней

языческой духовности, мировосприятия, когда человек (а кочевник в первую очередь) ощущает себя кентавром. Человек – Олень у О. Бокеева, Человек – верблюд у Д. Досжана, символически очеловеченный конь – Кулагер, Тулпар и т.д.” [2, с. 190].

Особое место в романах и повестях отводит автор мифологии. Три линии когда-то провел художник на скале. Они символизировали три дороги: дорогу войн, дорогу жизни и дорогу вечности. Линию – дорогу вечности он провел по камню, чья жизнь – вечность по сравнению с жизнью человека.

В одном из своих эссе – “Сокровенная жизнь казахского дома как культура” С. Санбаев размышляет об общечеловеческих ценностях, обязанных своим происхождением культуре: “В их числе – родной язык, национальные традиции, привычный социальный уклад, присущее каждому народу своеобразное восприятие противоречий, существующих в его опыте или, лучше сказать, между традицией и новаторством” [5, с. 6].

Система образов кочевой культуры остается в памяти народа. Авторское повествование в повести С. Санбаева “Когда жаждут мифа” неторопливо: “Нижняя часть хребта Каратаучика темнела частыми узинами ущельев: старик знал, что такие же ущелья прорезали невидимые отсюда юго-западные склоны. Он снова постоял, представляя себе древние шумные селения, укрывшиеся в теснинах, зеленые оазисы вдоль речек, абрикосовые, яблоневые и тутовые сады карлуков – одного из четырех племен, населявших некогда полуостров. Все это исчезло со времени нашествия монголов, потом хорезмийцев, было засыпано обвалами, занесено песком, и разве только он, Елен, найдет кое-какие следы древней жизни магыстауских аулов” [6, с. 6].

Главный герой произведения свято верит в то, что на его земле есть все, необходимое человеку: древнее и молодое, суша и море, кумыс и родники, кони и машины, колхозы и забытые колодцы.

В “Белой аруане” речь идет о благородной и свободолюбивой верблюдице, которую растит главный герой повести – фронтовик Мырзагали, прошагавший фронтовыми дорогами (был переброшен и к японской границе), переживший измену жены. “Он вернулся в сорок шестом, пролежав в госпитале после контузии: дочке шел пятый год, и она была вылитый отец” [7, с. 13]. И вновь возвращение к послевоенным дням: “В тот год, когда он вернулся с войны, Макпал было пять лет, она знала лишь мать. Он не мог забрать ее от матери, не мог и оставить. Многие в Макате осуждали его за то, что он остался с неверной женой, что не выгнал ее из дому или не ушел сам. Но никто из них не знал, что у него после ранения никогда больше не будет детей” [7, с. 15].

Мырзагали не удалось вернуть семейное счастье, хотя прожили они с Асимой до старости и дочь выдали замуж. Лучший бурильщик нефтепромысла Макат, выйдя на пенсию, привозит из Мангыстау белого верблюжонка, словно возвращаясь к этническим корням и своим национальным истокам. “Недаром же говорят, – напоминает ему сосед Шолак, с которым Мырзагали дружил, недолго, в молодости, – без скотины двор пуст, без детей дом пуст...” [7, с. 12].

Мырзагали растит верблюжонка, красивого, ухоженного, “словно обсыпанного чистым, пушистым снежком” [7, с. 12], привязывается к нему. Гордой растет белая аруана, красивой, белой с ног до головы, с длинными ногами, длинной шеей и огромными, обрамленными густыми ресницами, черными глазами.

Обсуждение. Литературоведы и литературные критики проводят параллели между творчеством С. Санбаева, Э. Хемингуэя и Ч. Айтматова. Так, В. Бадиков называет Сантьяго, главного героя рассказа “Старик и море” Э. Хемингуэя символическим победителем, “хотя он и не получает ничего (только скелет рыбы, обглоданной акулами). Мырзагали – кочевник, исконный скотовод, чабан, знающий “душу” животного, почти позорно проигрывает, тщетно стараясь удержать верблюдицу в своем ауле. С. Санбаев изображает социально-психологическую трагедию более глубокую и неизбежную, нежели Хемингуэй” [8, с. 190]. Верблюжонок хочет вернуться на родину, к своей матери, на свою землю, также как Мырзагали, полукочевник XX века, хочет вернуться в свою прежнюю жизнь, где нет ни войны, ни ненависти. “Архетип дома выступает в современной литературе Казахстана как важнейший” [9, с. 26]. Таким он был и для С. Санбаева. Вспомним название эссе, открывающего шестой том прижизненного собрания сочинений писателя – “Сокровенная жизнь казахского дома как культура”.

Верблюд для казаха – символ гармонии и объединяющего начала. Мифологически лошадь олицетворяет высший или верхний мир, корова – представительница нижнего мира или мира мертвых. Овца степного происхождения, а верблюд соединяет все эти миры в единое целое, образуя космос. Об отрыве человека от природы – “Прощай, Гульсары!”, “Белый пароход”, “Пегий пес,

бегущий краем моря”, “Плаха” Ч. Айтматова. Честный, душевный Мырзагали берет на душу грех, постоянно возвращая верблюдицу в Макат, на нефтепромысел, где проходит и его жизнь. “У Ч. Айтматова ребенок уходит от людей, символически превращается в рыбу (“Белый пароход”), – размышляет В. Бадиков. – У Санбаева плененное и ослепленное человеком животное символически тоже уходит от людей, кончая собственно самоубийством. Не слишком ли человеческий поступок для верблюдицы?” [8, с. 91].

Повесть С. Санбаева начинается так: «На седьмой день верблюжонок исчез» [7, с. 10]. Белого верблюжонок Мырзагали нашел на четвертый день поисков в одном из аулов близ Кульсары, верстах в ста с лишним от Маката. Особое очарование повести придает тот факт, что писатель пишет о своей Родине, где прошло его детство, а средняя школа носит имя его отца. Так прошлое переплетается с настоящим. С. Санбаев возвращался в родной Макат постоянно, при любой возможности. Любовь к родной земле претворилась в лаконичной формуле его творчества: “Я научился носить Родину в сердце...”. И верблюжонок направлялся в Мангыстау, на свою родину.

Побег будет повторяться не раз, словно по кругу, и каждый раз на протяжении двух лет на новом уровне. А в трагическую, последнюю попытку, когда подросший верблюжонок пытался остановить белую аруану, завернуть назад, верблюдица стремительно уходила дальше, отбрасывая его в сторону. “Неизвестно, – размышляет автор-повествователь, – что помогало ей безошибочно выбирать дорогу. То ли долгими месяцами вязала она в памяти этот кратчайший, но опасный путь через солончаковые озера, то ли вел ее могучий инстинкт” [7, с. 28]. Именно ее образ, безудержный бег передает мотив внутренней свободы. Белая аруана, несмотря на невероятные испытания и потерю зрения по вине людей, стремится вырваться из чуждых ей оков и – вырывается ценой собственной жизни, оставляя сироту-верблюжонок на попечение Мырзагали.

При внешнем благополучии главного героя повести (работа на нефтепромысле, жена и дочь) нефтяник не может быть счастлив, он скован условностями общества, ограничен оседлым образом жизни: “Им овладели тяжелые мысли, что сложилась его жизнь не так, как надо бы. Он вспомнил, что бывали минуты, когда он пытался уйти из жизни. Пытался, но не смог. И никто, кроме старухи, которая прожила с ним эту долгую и скучную жизнь, не знал о его боли” [7, с. 16].

Художественный хронотоп времени в повести цикличен и взаимосвязан с временами года. Именно так в дальнейшем будет названа автором новая трилогия – “Времена года нашей жизни”. Хронотоп пространства в «Белой аруане» соотносится со степным пейзажем, создавая номадическую картину мира, в которой человек еще в гармонии с природой. В мире кочевой архаики заключен “конкретный исторический опыт народа, его традиционное мировидение, этика и эстетика, его искусство. И на всем этом лежит печать постоянного движения, перемещений и рожденного ими своеобразного отношения к пространству и времени” [1, с. 208].

А о родине вдруг напоминает белой аруане сухой, звучный ветер, ветер страны причудливых гор, которую она помнит. “У моря, у Меловых гор рождается такой ветер. Горы наполняются странными тихими звуками и как бы устремляются ввысь, выпрямляясь, вытягиваясь, и становятся еще неприступнее. Белый сухой туман заполняет ущелье... Заволакивает скалы. А звуки, словно разноцветные ручьи, делаются все сильнее, все необычнее, и эхо множит их. Тесно становится этой музыке меж светящихся скал, и она устремляется на север, в степи, и каждая скала все громче, мощнее вплетает свой голос в эту струю. Она течет, разливаясь по безбрежному простору, заставляя разноголосно петь желтые пески, вбирая в себя все запахи степи, накаляясь на такырах” [7, с. 26]. Художественное время повести охватывает двухлетний период в жизни главного героя. Меняются степные пейзажи. В картине гибели аруаны степное солнце не светит, не горит. “Пылало солнце. Над степью, словно наводнение, плыл сухой, ровно и широко, выбирая последнюю влагу оврагов, сжигая травы” [7, с. 29].

Тенгрианство как религия и вера в вечное небо сохранилось в коллективном бессознательном казахов и нашло отражение в определенных образах и архетипах повести. На закате жизни Мырзагали использует последнюю возможность вернуться к своим корням: космосу тенгрианского мира, к благородству и чистоте белой аруаны, которая в своем неудержимом, стремительном и красивом беге “повисла в воздухе, перебирая ногами. Беззвучно и легко, словно все еще продолжая бег, она исчезла в глубоком овраге” [7, с. 29]. В финале повести, переведенной более чем на тридцать языков народов мира, Мырзагали возвращается домой после гибели верблюдицы. Впереди, раскачиваясь на длинных прямых ногах и спотыкаясь, тонко и жалобно плача, “еще не понимая, что навсегда потерял мать”, шел верблюжонок. “Он шел послушно перед конем, потому что впереди

лежала его родина, лежал аул, где он родился и куда будет убегать отовсюду, как и мать, которая всю жизнь добиралась до Мангыстау» [7, с. 30].

Жанр первого произведения С. Санбаева определяют как *поэма, лиро-этический рассказ, грустная песня*. Важно, что «оптика рассказа резче, чем оптика романная, и сам по себе жанр малой прозы обнаженной, ближе к человеку» [10, с. 182]. Образ белой аруаны будет напоминать героям трилогии С. Санбаева «Времена года нашей жизни» о Родине. Интересный факт в казахской литературе: повесть «Белая аруана» включена в качестве Пролога в текст романа «Еще одно лето». Об аруане, свободолюбивой, так и не прирученной человеком, напоминает и двугорбая светло-серая верблюдица. В романе «Таких дождей здесь не бывало» образ белой аруаны, постоянно всплывающий в памяти действующих лиц, возвращает их к Родине, большой и малой, ибо душа человеческая «живет в этой небольшой по объему книге с такой силой, что заставляет мир меняться и жить по ее высокому закону... Пастернаковский «мохнатый лебедь каменного века» обрел для мирового читателя санбаевский образ свободы на фоне библейского пейзажа казахской земли. Аруана шагнула в вечность, став явлением мировой прозы» [11, с. 5].

Заключение. Значительное место в творчестве писателя занимала тема *личности и истории*. Автор утверждал неразрывное единство частной судьбы и судьбы человечества. С неизменной любовью вспоминал он своих родителей, прослеживал родословную: дед – известный бий Астраханской губернии, Макаш – правитель. Макаш Бекмохамедов слыл мудрым и справедливым степным правителем двух Приморских округов Астраханской губернии, всегда отстаивал интересы казахского народа, был личностью в России известной.

Имена предков дают детям герои романа С. Санбаева «Весной нас зачарует голос», романа о войне в Афганистане, о судьбах казахских семей, откочевавших в 20-е годы XX века через мангыстауские степи в Туркмению и Афганистан. Имена предков помогают не забыть историю родного края, ибо история – это суть биографии народа. История родного края – Макаш художественно воплощена в «Белой аруане», жанр которой мы определяем как *повесть, свидетельствующую о жанрово-стилевой свободе ее автора*.

О славном прошлом родного края повествует Елен, потому что «песни, хранимые человеком, должны петься, иначе они разорвут сердце; легенды – доверяться людям, мудрость твоя постигаться другими» [6, с. 159]. История, художественно отраженная в мифах, легендах и преданиях, передается из поколения в поколение. Новеллистика С. Санбаева, отражающая этику и эстетику кочевья, играет решающую роль в формировании национального самосознания и национального кода и в XXI веке.

Список использованной литературы:

- 1 Ауэзов М. *Времен связующая нить* – Алматы: Издательский дом «Жибек жолы», 2016. – 758 с. - книга
- 2 Бадиков В. *Русскоязычные писатели Казахстана // Литература народа Казахстана. Изд. 2-е, доп. / Под ред. С.В. Ананьевой.* – Алматы: Каз акпарат, 2014. – С.280-311.- книга
- 3 Алимкулов Т. *Доброго пути // Вслед за белой аруаной... / Отв. ред. С. Абдуллов.* Алматы: ИД «Библиотека Олжаса», 2014. – С.155-156. - книга
- 4 Жаксылыков А. *Труд писателя и творческий процесс. Сборник избранных лекций.* – Алматы: Казак университеті, 2013. – 234 с. - книга
- 5 Санбаев С. *Сокровенная жизнь казахского дома как культура // Санбаев С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Повести и рассказы / Сост. С. Санбаев. Т. 6.* – Астана: Агроиздат, 2009. – С.5-13. - книга
- 6 Санбаев С. *Когда жаждут мифа // Санбаев С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Повести и рассказы / Сост. С. Санбаев. Т. I.* – Астана: Агроиздат, 2009. – С.119-194. - книга
- 7 Санбаев С. *Белая аруана // Санбаев С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Повести и рассказы / Сост. С. Санбаев. Т. I.* – Астана: Агроиздат, 2009. – С.10-30. - книга
- 8 Бадиков В. *О прозе Сатимжана Санбаева // Бадиков В. С вечностью – начистоту.* – Алматы: Алаш, 2014. – С. 189-196. - статья
- 9 Tattimbetova K., Ananyeva S., Zhaksylykov A. (2016). *The author's self-reflection in narratology of I.P. Shegolikhin. Journal of Language and Literature (Scopus), Vol. 7.* – №3, – P. 26-32. – статья
- 10 Щеглова Е. *Контекст рассказа // Вопросы литературы.* – 2014. – Март, апрель. – С. 182-213. - статья
- 11 Накипов Д. *С Родиной в сердце // Санбаев С. Собрание сочинений в 6-ти томах. Повести и рассказы / Сост. С. Санбаев. Т. I.* – Астана: Агроиздат, 2009. – С.5-9. – книга

References:

1. Auezov M. *Vremen sväzuiušaia nit* – Almaty: İzdatelski dom “Jibek joly”, 2016. – 758 s. - kniga
2. Badikov V. *Ruskoiazychnye pisateli Kazahstana // Literatura naroda Kazahstana. İzd. 2-e, dop. / Pod red. S.V. Ananevoi.* – Almaty: Kaz akparat, 2014. – S.280-311.- kniga
3. Alimkulov T. *Dobrogo puti // Vsled za beloī aruanoi... / Otv. red. S. Abdullof. Almaty: İD “Biblioteka Oljasa”, 2014. – S.155-156. - kniga*
4. Jaksylykov A. *Trud pisatelä i tvorcheski proses. Sbornik izbrannyh leksi.* – Almaty: Kazak universiteti, 2013. – 234 s. - kniga
5. Sanbaev S. *Sokrovennaia jizn kazahskogo doma kak kültura // Sanbaev S. Sobranie sochineni v 6-ti tomah. Povesti i rasskazy / Sost. S. Sanbaev. T. 6.* – Astana: Agroizdat, 2009. – S.5-13. - kniga
6. Sanbaev S. *Kogda jajdut mifa // Sanbaev S. Sobranie sochineni v 6-ti tomah. Povesti i rasskazy / Sost. S. Sanbaev. T. I.* – Astana: Agroizdat, 2009. – S.119-194. - kniga
7. Sanbaev S. *Belaia aruana // Sanbaev S. Sobranie sochineni v 6-ti tomah. Povesti i rasskazy / Sost. S. Sanbaev. T. I.* – Astana: Agroizdat, 2009. – S.10-30. - kniga
8. Badikov V. *O proze Satimjana Sanbaeva // Badikov V. S vechnöstü – nachistotu.* – Almaty: Alaş, 2014. – S. 189-196. - stätä
9. Tattimbetova K., Ananyeva S., Zhaksylykov A. (2016). *The author’s self-reflection in narratology of I.P. Shegolikhin. Journal of Language and Literature (Scopus), Vol. 7. – №3, – R. 26-32.* – stätä
10. Şeglova E. *Konteks rasskaza // Voprosy literatury.* – 2014. – Mart, aprel. – S. 182-213. - stätä
11. Nakipov D. *S Rodinoi v serdse // Sanbaev S. Sobranie sochineni v 6-ti tomah. Povesti i rasskazy / Sost. S. Sanbaev. T. I.* – Astana: Agroizdat, 2009. – S.5-9. - kniga